

Галина Захарова

84(2Рос-Рус)6

К 3-38

Услышатъ тишину

*Светлой памяти
Феоктисты Андреевны
Поповой-Турчанис
и других земляков –
жертв политических репрессий –
посвящается...*

Галина Захарова

Услышать тишину

Документальная повесть

Художник Евгений Юрин

Ханты-Мансийск

Полиграфист – 0120865 –
2009

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84

338

338 Захарова Г.В.

**Услышать тишину : докумен-
тальная повесть / Г.В. Захарова. –
Ханты-Мансийск : Полиграфист,
2009. – 62 с.**

В повести члена Союза журналистов России Галины Захаровой «Услышать тишину» прослеживается судьба семьи репрессированных Турчанис из Ханты-Мансийска. Это – произведение, написанное в лучших традициях жанра русской классической прозы, события в котором охватывают период с 30-х годов прошлого века до настоящего времени.

Повесть представляет большой общественный интерес для самого широкого круга читателей, изучающих историю Югры и России в целом: студентов, преподавателей, краеведов.

© Захарова Г.В., 2009

© Печать. ОАО «Полиграфист»,
2009

ISBN 978-5-89846-194-2

Часть первая.

ЕСЛИ БЫ АДЕЛЬ ВЕЛА ДНЕВНИК

Глава первая. *ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ*

...Мне было года четыре, когда в наш дом вошла Тайна. Она пришла в осенний день 1937 года в виде двух незнакомых мужчин: одного — в военном, другого — в штатском. Я совершенно не помню их лиц. Помню лишь, как они хозяевами пришли в наш дом и что-то искали. Искали мучительно долго, изредка задавая какие-то вопросы. Мама и бабушка отвечали вежливо и спокойно. За всем этим чувствовалось приближение чего-то страшного.

Не умея объяснить словами свое состояние, я бегала вокруг непривычно молчаливой мамы и только растерянно спрашивала ее: «Мамочка, вы еще пойдете на работу? Мамочка! Можно вас проводить до уголочка?»

Мама же, покормив грудью мою младшую сестру Изу, которой не было и года, и что-то написав отцу, не оглядываясь, поспешила уйти вместе с незнакомцами. Я бежала следом и своими наивными вопросами пыталась остановить и мать, и этих странных людей: «Мамочка! Вы надолго? Мамочка, а где папа?» Как будто упоминание об отце — сильном и бесстрашном отце — могло испугать, остановить этих людей и отдать мне мою маму...

Мама почти не смотрела на меня. Она даже, казалось, сама хотела побыстрее уйти. Потом вдруг резко остановилась, присела на корточки и, крепко обняв меня, горячо прошептала: «Довольно провожать. Когда придет папа, поцелуй его и скажи, что я просила, чтобы он вас очень любил». Поцеловала и резко поднялась. Пошла быстро-быстро, не оглядываясь.

...Было еще светло. Пахло сыростью и осенними листьями. Могучие кедры на самаровской горе приветливо махали мне лапами. Все было как всегда. Но я-то чувствовала, что все изменилось вдруг. И этот контраст между безмятежной будничной жизнью и чем-то непонятым и страшным, что происходило в ней, все больше и больше пугал меня. Так и запечатлелось в моей детской памяти: удаляющаяся одинокая фигура мамы и чуть позади, словно идущие сами по себе, двое незнакомых странных мужчин.

Так закончилось мое детство. И вся последующая

Такой была Феоктиста Андреевна до ареста

жизнь стала поиском связи между событиями того вечера и осмыслением их влияния на меня и нашу семью.

Глава вторая. НЕИЗВЕСТНОСТЬ

...Феоктиста Андреевна Попова-Турчанис шла по дороге и не узнавала ее. Она не видела ни домов, ни деревьев, ни случайных прохожих, встречающихся на пути. И было ощущение, что все это происходит не с ней, уважаемым в поселке человеком, мастером и ударницей труда рыбоконсервного комбината, местной красавицей и артисткой самодеятельного театра, игравшей на «бис» Любовь Яровую, любимой женой и матерью, а с кем-то совершенно посторонним.

...Десятки испуганных глаз провожали ее, прячась

за шторками окон соседних домов. Беда на поселок обрушилась внезапно. И называлась она — 1937 год.

По правде сказать, симптомы этой беды проявились еще раньше, в 36-ом, когда был арестован сначала директор «Обьгосрыбтреста» Н. А. Угланов, а чуть позже директор Самаровского рыбоконсервного комбината С. П. Соломин.

И Угланова, и Соломина работники рыбоконсервного комбината поселка знали как людей, всей душой болеющих за общее дело, уважали их. Именно под руководством директора Сергея Петровича Соломина комбинат из убыточного стал прибыльным: только в 1936 году он сверх плана дал миллион триста тысяч банок консервов! Николай Александрович Угланов в свое время был секретарем Московского комитета ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро. В 1933-м его направили на работу в Тобольск, руководить рыбным хозяйством края.

В те годы по стране разворачивалось стахановское движение. И на одно из мероприятий на комбинате, посвященное этому движению, был приглашен и Николай Александрович. Статная фигура, модная по тем временам косоворотка, открытый взгляд. Он сразу вызывал доверие у людей: свой, русский человек!

Когда закончился концерт, Угланов подошел к женщинам комбината и подарил им по большой шоколадке, поцеловав при этом руки. Это было непривычно, волнительно и незабываемо!

И вот... Дикие, совершенно необъяснимые аресты. Люди терялись в догадках: какая-то ошибка, наверное. Но «ошибки» 36-37-го годов имели странное свойство повторяться с пугающей регулярностью. Причем, ощущение вражды, скрытой опасности подогревалось и местной газетой.

Вот, например, что писала в сентябре 1936 года «Остяко-Вогульская правда» в статье Данилова «Гнилые либералы из Самаровского консервного комбината»: «...находила себе гостеприимный приют целая плеяда троцкистских последышей на Самаровском консервном комбинате. Там она нашла либерального глупца, ротозея

Такими остались дочери после ареста матери

Н.А. Угланов

Лагеря ГУЛАГа, существование до 1940г.
(Из книги Д. Ванюкова и И. Суслова «Годы репрессий»)

и простофилю в лице самого директора комбината Соломина. Этот простодушный краснобай пригрозил за свое пребывание на комбинате целую группу прожженных троцкистов — авантюристов».

Чувствовалось, у газетчика были «развязаны руки». Не мог же он сам, ни с того, ни с сего, вдруг ополчиться против уважаемого в поселке и достойного человека. Феоктиста Андреевна хорошо помнит реакцию сослуживцев на подобного рода «опусы»: страх, недоумение, жалость...

37-ой год был тщательно подготовлен и выверен не какой-то враждебной силой «из-за бугра», а своими — правителями страны Советов. Одна беда: мало кто знал об этом тогда. Еще 3 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) «предложило секретарям обкомов в пятидневный срок представить в ЦК количество подлежащих расстрелу и высылке». А. Петрушин «Расстрел по первой категории» // Новости Югры. — 1996. — 8 июня. А уже 7 июля первый секретарь Омского обкома Булатов (Остяко-Вогульский национальный округ входил тогда в состав Омской области) и начальник областного управления НКВД Салынь послали члену Политбюро ЦК и наркому НКВД телеграмму: «Учтены и рассмотрены материалы на 2429 человек. Первая категория (расстрел) — 479, вторая категория (высылка — лагеря) 1959». Этих цифр «наверху» показалось недостаточно. Секретарей обкома и руководство областного управления НКВД обвинили «в контрреволюционной деятельности путем сокрытия белогвардейских кадров» и вскоре расстреляли.

10 декабря 1937 года новый начальник Омского управления НКВД Валухин доложил наркому внутренних дел Ежову: «Операция по вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11050 и по второй категории 5004 человека».

Но Феоктиста Андреевна в тот год не узнает об этом. В 1937 году УНКВД Омской области на основании статьи «контрреволюционная деятельность» ее саму лишит свободы на целых десять лет.

* * *

...А начался ее путь в Неизвестность именно с ареста

на комбинате и обыска дома. «Господи, — не раз думала тогда Феоктиста, — ну, почему я не послушала нашу работницу?»

Дело в том, что накануне Феоктиста Андреевна прибыла от родственников из Тобольска. Вместе с дочками. На пристани ее первой встретила сотрудница, которая, видимо, специально дожидалась ее, чтобы «перехватить». «Феша, — взволнованно сообщила она, — за тобой вчера приходили. Уже есть список на арест. Ты — в нем. Не сходи с парохода, проезжай вместе с детьми до Салехарда. И обратно из Салехарда плыви в Тобольск или в Тюмень. Говорят, некоторые так делают. Может, спасешься.. Уезжай! Не выходи!»

Феоктиста недоумевала. Ну с какой стати она должна была куда-то бежать? Ее совесть чиста. А значит это какое-то недоразумение, разберутся. И потом. На пристани ее встречал муж Болеслав. Неужели бы он как-то не предупредил ее? И Феоктиста Андреевна сошла на берег вместе с девочками. Болеслав был белый, как полотно. Она никогда в жизни не видела его таким. Значит, все-таки что-то случилось. Но почему тогда на вопрос правда ли, что за ней приходили, он ответил отрицательно: «Кто тебе наболтал?»

И она успокоилась. Но дурные предчувствия оставались. В эти тревожные дни, и она прекрасно знала об этом, у всех комбинатских уже стояли под кроватями чемоданчики, в которых лежали предметы первой необходимости: чашка-ложка, смена белья... И все, уходя вечером с работы, прощались друг с другом, как будто расставались навсегда. Утром запросто можно было кого-то не досчитаться...

Хотя внешне все выглядело вполне буднично: часов до 11—12 каждый день после работы проводились так называемые дополнительные вечерние занятия. Истинная же, «скрытая» суть их заключалась в том, что все ждали: а вдруг откуда-то придет срочное сообщение или важный звонок? Произойдет какое-то ЧП?

И вот арест. Потом были долгие часы изоляции в какой-то не то бане, не то избушке на берегу Иртыша. На холодном полу. Она смутно помнит тот день. Хотя нет. Некоторые моменты врезались в память намертво. Она

и хотела бы их забыть, да не сможет.

...Вот под конвоем, как преступницу, ее ведут из Самарово в Ханты-Мансийск. Конвойный — совсем молоденький, почти мальчишка. Как она уговаривает его провести ее мимо своего дома! «Я клянусь своими детьми, что не буду проситься зайти. Не сбегу. Я умоляю тебя...» Тронутый горем молодой матери, парень соглашается. Хотя прекрасно понимает: узнай кто об этом — сразу военный трибунал.

В окне Феоктиста Андреевна видит Болеслава, качающего на руках плачущую Изочку. Дочка своим маленьким сердцем почувствовала разлуку с матерью. И не может уснуть. А, может, она хочет есть? И Феоктиста Андреевна заглушает рыдания. Не дай Бог, кто услышит...

... Потом милицейский клуб, забитый до отказа такими же несчастными, как она. Самая длинная ночь в ее жизни, и еще полдня... Какие страшные истории просачивались тогда сквозь мрачные стены этого клуба! О том, например, что начальник НКВД собственноручно пытал женщин...

Феоктисту водили на допросы. Требовали дать показания против уважаемого на комбинате человека, их общего учителя и наставника — начальника смены Пашина, дать подписку о том, что именно по его указаниям они... закатывали в банки фекалии, готовили покушение на Сталина. Это был полный бред, полный абсурд, и Феоктиста наотрез отказалась.

...Очнулась она от грубого окрика: ее отправили на кухню чистить картошку. Торопливо перебираясь с места на место и наступая на лежащих рядом людей, она добралась-таки до двери. И тут...

Видно, мир не без добрых людей. Именно здесь, в клубе, у дверей, она столкнулась с табельщиком комбината Сашей Захаровым. Добрым, хорошим парнем. Он-то и принес Феоктисте записку от родных. А еще деньги. И эта, пусть и слабая связь с внешним миром как будто воодушевила ее. Может, не все еще потеряно? Может, еще разберутся?

Этой же ночью Саша на свой страх и риск огородами пробрался к Турчанис и встретился с Болеславом. Он

передал ему одну — единственную просьбу от жены: взять у кого-нибудь лошадь и проехать мимо клуба вместе с дочерьми. Что могло быть желанней для матери, чем увидеть своих детей?

Но выполнить последнюю просьбу жены тот не успел. Ранним утром, часа в три или четыре, арестованных стали выгонять из клуба, строя в колонны по четыре. Страшное это было зрелище! Узнать в них прежних людей, еще два дня назад живших обычными человеческими заботами, было невозможно. Измученные, с ввалившимися глазами...

Броситься бы врассыпную! Темень-то — хоть глаз выколи! Да нет сил. Все подавлены морально.

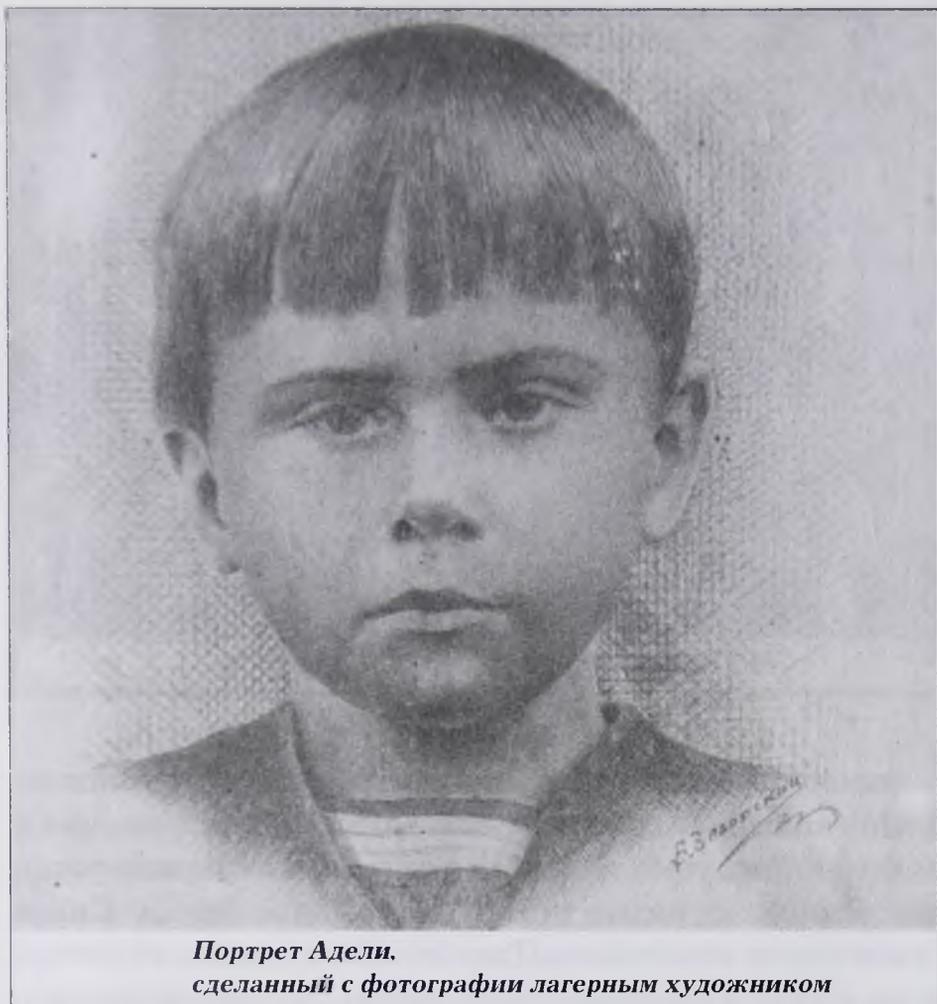
Так под охраной это колышущее человеческое горе и повели к реке. Но не по той просеке, по которой накануне молодой конвоир вел Феоктисту из Самарово, а в совершенно другую сторону — будущей нефтебазе. По топкой, непролазной болотине, при слабом освещении фонарей «летучая мышь», делавших эту почти траурную процессию еще более зловещей.

Пробиться к арестованным, чтобы передать им одежду или деньги, было совершенно невозможно. Но каждый по ту сторону оцепления пытался это сделать, выискивая в толпе свое, родное, единственное лицо.

Феоктиста Андреевна совсем обессилела от горя и слез. Ноги почти не слушались ее. Но когда Болеслав продрался к ней сквозь людскую толпу, все же успела крикнуть: «Уезжайте отсюда! Немедленно! Береги дочерей! Если встретишь кого, женись! Но не заводи других детей. Если сможешь».

У берега стояли баржи. Их на комбинате еще называли шаландами. Деревянные суденышки, в которых обычно перевозили рыбу, с крышками трюмов, открывавшимися в разные стороны, как у старых школьных пеналов. На сей раз шаланды ждали совсем другой «груз». И каждый знал, что это конец. Даже если потом и удастся выжить. И эта живая человеческая стена стонала единым стоном.

Мрачное чрево одной из барж поглотило и

*Портрет Адели.
сделанный с фотографии лагерным художником*

Феоктисту. Хрупкую, маленькую. Почти девочку. Хотя ей было уже 27 лет. Всего 27 лет... И этот путь в Неизвестность, длившийся она не помнит сколько дней или целую вечность, стал для нее одним из первых страшных испытаний на выживание. Был октябрь 1937 года.

Глава третья. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

С этого дня наша жизнь резко изменилась. Мы с младшей сестренкой и бабушкой часто оставались дома, а папа уходил на работу. Бабушка молилась. Изочка плакала. Она была маленькая, и ее надо было часто кормить. «А где мамочка? — приставала я к бабушке. — Она скоро придет? Почему она на работе?»

Бабушка гладила меня по голове и уходила заниматься хозяйством: маленькие дети требовали

Прямской взвоз в Тобольске

большого ухода. Надо было стирать, готовить, гладить. А еще ходить за продуктами и водой... Я не знала, что и думать. Мама ушла и почему-то не хочет возвращаться..

Рядом с нами жили Лопаревы: дядя Саша (племянник известного Платона Лопарева) и его жена тетя Шура. Она была очень, очень добрая. И когда с нашей мамой случилась беда, она первая прибежала к нам. Забирала к себе, когда нам не с кем было остаться. Поила, кормила. А я часто вспоминала прежние дни.

Мы жили на пригорке, по улице Чапаева. Какой могучий кедрач там стоял! Помнится, когда папа сшибал с него шишки, они летели прямо в наш огород!

Было непривычно и весело: смеющийся мужественный папа и огромные ароматные шишки в мешках...

Поскольку наш домик стоял по склону горы, то там была лесенка, по которой мы спускались и поднимались. Она мне казалась очень высокой.

В ограде папа сделал качели. Удобные веревочные качели с такой же удобной, только деревянной сидущкой. И когда он раскачивал меня, я ужасно боялась. Но папа не любил, чтобы я плакала и боялась. И поэтому я помалкивала.

Именно в это время, после ареста мамы, у меня

Тобольск. Колокольня Софийского собора

появилась первая и главная Тайна. Я всегда помнила маму, но должна была делать вид, что забыла ее. Так нужно было взрослым. Но я научилась «говорить» о маме сама с собой. Как? Дело в том, что у меня осталась мамина кукла. Такая красавица! Фарфоровое белое лицо, синие, как васильки, глаза, розовые щечки и ватные руки-ноги. У куклы закрывались и открывались глаза и были прекрасные «настоящие» волосы, заплетенные в косички. Мама хорошо шила какие-то одежки для нас с сестрой и, конечно, для этой куклы.

Помню, когда мама шила или что-нибудь порола, то у нее к губе прилипала ниточка. И я все свое детство, когда шила сама, все время специально отрывала нитку и лепила ее на губу. Чтобы было как у мамы. Мама всегда была в моей душе. И это было моей, только моей Тайной.

Этой же осенью нас с сестренкой увезли в Тобольск к папиной маме. Сам он какое-то время оставался в Ханты-Мансийске. Видимо, надо было решить еще какие-то вопросы по работе, с продажей дома.

...Помню глухую осеннюю ночь. Прямской взвоз в Тобольске. Это «миллион» ступенек, по которым надо подняться из нижней части города в верхнюю, где жила моя вторая бабушка и родной брат папы Михаил с женой Зиной. Холод. Ужасно хочется спать, мы все измучены.

- 0120865 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

Я уже была большенькая, тяжеленькая. Но дядя Миша берет меня на руки. Изочку вообще все время несут на руках. Сколько мы там прожили? Месяц? Два? Три?

37-ой год продолжался. А значит, продолжалось беззаконие и ночные аресты. Наш родной дед — папин папа — погиб во время революции, и бабушка была замужем за дедушкой Егором. Это был очень добрый, хороший человек. Работал председателем артели гончарного производства. Была такая организация в Тобольске. Помню, у бабушки, как и у многих тогда, под кроватью стоял чемоданчик «на случай», в котором она каждый вечер что-то меняла. «Бабушка, зачем это?» — интересовалась я. «Не твое дело», — обрывала она разговор.

Дедушку забрали в одну из ночей. Просыпаемся утром, а его нет. И как сгинул. А еще в тюрьму бросили нашего дядю Мишу. И мы с Изабеллой — моей тетей — носили ему передачу в эту тюрьму, которая почему-то называлась «Пятилетка».

Когда позже по истории мы проходили тему «Кровавое воскресенье», я почему-то всегда вспоминала этот наш поход в тюрьму. Площадь перед «Пятилеткой» — огромная и на ней много народу. И все стояли с какими-то узелками, кошелками. Мрачные-премрачные. И все ждали, когда откроют ворота и кто-то выйдет из них...

Позже из Ханты-Мансийска приехала другая бабушка, мамина мама. И поселилась у своего сына — дяди Коли.

А зимой к нам приехал папа. И вместе с ним была незнакомая женщина, Елена Федоровна. Удивительно, но фамилия у нее была такая же, как у нас, Турчанис. А это означало, что папа женился, и у нас появилась новая мама.

Поначалу новая мама старалась быть ласковой с нами, но строгий холодный взгляд выдавал в ней совершенно другого человека. Она была вся рыжая, в конопушках. Чувствовалось, что мы ее частенько раздражали. И я не знала, как с ней себя вести.

— Зовите меня мамой, — сказала она. И это прозвучало как приказ. Постепенно зыбкий образ моей

мамочки, доброй, улыбчивой и красивой, вытеснился из сознания другой, живущей с нами рядом. Но глубоко в душе я всегда знала, что моя мама — не она, а та, которую уводили те странные люди. Один — в военном. Другой — в штатском. И я долго смотрела им вслед. Пахло сыростью и осенними листьями, и могучие кедры на Самаровской горе приветливо махали мне своими лапами. А я остро чувствовала, что происходит что-то ужасное.

Глава четвертая. «ФАШИСТЫ»

Тюмень встретила осужденных враждебно. Уже стояли заморозки, и некоторые из людей, совершенно измотанные за время поездки и голодные, почти не могли самостоятельно двигаться. Их вытаскивали из барж и загоняли в крытые грузовики — «черные воронки», чтобы не привлекать внимания прохожих.

У Феоктисты Андреевны, еще не окрепшей после родов и испытавшей сильнейший душевный и физический стресс в эти дни, начались провалы в памяти. Она лишь помнит, как их ввели в какую-то ограду и предупредили, что пока они не пройдут обработку, их не пустят в камеру.

Потом какое-то помещение. «Санпропускник». В деревянных шайках вода. Но сил, чтобы мыться, нет. Люди ослепли и оглохли от горя. Механически выливают на себя воду. Весь персонал тюрьмы мужской. Поэтому хуже всех приходится осужденным женщинам. Здесь же, в санпропускнике, их бредут наголо. Под мат и хамство этих самых тюремных мужланов. Санпропускник выплевывает несчастных в длинный коридор на цементный пол. Адский холод пронизывает до костей. И люди сбиваются в кучки, чтобы хоть как-то согреться. Их бьет озноб.

Когда приносят вещи, уже никто не узнает свои: все пуговицы и крючки обрезаны. Каждый хватается негнуцимися от холода руками что попало и напяливает на себя.

В камере новичков не жалуют. Человеческое месиво, как уродливый организм из десятков глаз, рук, ног, едва разместившееся в своем таком же уродливом

логове, отторгает всех, кто пытается потеснить его. Так что новичкам, окоченевшим в коридоре до полуобморочного состояния, остается только сидеть. Лежать негде. Здесь же, в камере, чан «для нужды», в который ходят и мужчины, и женщины... Смрад стоит невыносимый.

Если перевести в часы и дни это вынужденное заточение в вонючем и страшном чреве, сколько же их наберется? И как не сойти с ума после этого? Не проклясть все на свете? Не свихнуться?

На допросы вызывали по ночам. Били. Требовали признаться во вредительстве или назвать тех, кто этим занимался. Но как, как было признаться в том, чего не совершал, или оговорить своих же товарищей? Феоктисту вконец измучили эти допросы. Она света белого не видела. И все плакала, плакала и плакала.

Как-то бывшая председатель райисполкома, этапированная с ней из Ханты-Мансийска, пришла с допроса радостная. «Меня, наверное, выпустят, — шепнула она. — Ты тоже пиши заявление. Чтобы следователь вызвал. Объясняй, что знаешь, кто вредил...»

Когда на следующий день бывшая сокамерница ушла с вещами на волю, Феоктиста долго думала, как же ей быть. Она прекрасно понимала, что та спасла свою жизнь ценой чьей-то безвинной гибели, оговора. Но ей с детства внушали: «Лгать — грех!» И хотя в те времена вся молодежь поголовно росла атеистами, Феоктиста осознавала: переступи она через себя, согреши, потом уже никогда не сможет восстановить свое честное имя. А дома ее ждали маленькие дочки, любимый муж, мама, которые в тревожных снах порой прорывались к ней. И это было нестерпимо. «Напишу заявление, чтобы вызвали к следователю, а там... будь что будет».

Но когда ее вызвали к следователю, на вопрос, кто вредил, она ответила все так же безнадежно, но честно: «Не знаю». И тем самым...спасла свою душу. Бог пожалел ее, лишив возможности скорой встречи с родными, но не лишив надежды на Будущее без предательства. И эти знаки божьей милости Феоктиста почувствовала уже здесь, в тюменском каземате, где, казалось, не оставалось места для радости, где всех осужденных по

58-й статье иначе как «фашистами» не называли.

...Ее часто тревожили мысли, как быть с деньгами, которые ей передал еще в Ханты-Мансийске, а позже в Тюмени Болеслав. (Деньги и здесь, в тюрьме, имели силу). Ведь если их отправят по этапу и начнут обыскивать, деньги обязательно отберут. Однажды, когда заключенные вернулись с прогулки, она увидела открытую дверь и за ней топившуюся печь. Не долго думая, Феоктиста, пока никто не видел, сунула деньги в поддувало, в золу: «Сгорят, так сгорят. По крайней мере, никто не заберет».

А вскоре, и в самом деле, произвели обыск. У тех, у кого что-то осталось, все отобрали. А у нее деньги уцелели. Вот это была радость! После она перепрятала их под подкладку старых сапог. Сапоги старалась держать грязными, бросать в общую кучу. Не жалела. Украдут, так украдут. Да и размер у нее маленький, 35-ый, не всякому подойдет. Так и сохранила.

Однажды вызывает ее конвоир в коридор и говорит: «Вымой пол!» Вымыла. На совесть, как дома мыла. На второй день опять этот же конвоир посылает мыть пол. И она снова вымыла на совесть. Тогда он привел в какую-то конуру и дает котелок с кашей: «Ешь скорей!» Господи! Что это была за каша! Казалось, ничего в жизни она вкуснее не ела. Даже пальчиком подчистила всё. Так жизнь порой за короткий срок меняет привычки людей.

Новый знакомый в лице охранника с этого времени стал по-своему «опекать» молодую женщину. Наверное, пожалел. Когда он дежурил, то, заглянув в камеру, обычно выкрикивал: «Эй, ты, иди мой коридор!» Но Феоктиста-то знала, что все это так, для отвода глаз, чтоб не догадался никто.

Однажды вот так же вызвав ее, он дождался, когда она вымоет пол, и после спросил: «Есть хочешь?» Феоктиста кивнула. «Вон там, в тумбе, калач и бутылка молока». Она не поверила. Какое богатство! И калач, и молоко пахли той вольной жизнью, которой она не чувствовала уже почти год! Оказывается, в ней было столько жизни! Сдерживая волнение и отщипнув от калача кусочек, Феоктиста отложила калач в сторону: «Это вам. Вы же на дежурстве». Охранник горько

усмехнулся: «Ешь! Не беспокойся обо мне. И почему ты такая? Ну, нельзя быть такой в тюрьме. Погибнешь! Хватай, пока дают!» — «Что хватать-то? Нам ведь только пайку и дают». Но молоко допила, калач доела.

В камере она, конечно, ни словом не обмолвилась об этом. Но с тех пор стала с нетерпением ждать новых вызовов на мытье полов.

Однажды вот так же во время уборки знакомый конвоир выпросил у нее, откуда она, где взяли. И Феоктиста без утайки рассказала, что родом из Тобольска, а взяли из Хантов. Еще она сказала, что в Тобольске сейчас могут быть ее брат и мама. И однажды, выйдя из бани, с удивлением обнаружила на посту охраны... их домашнюю сумку, полную красивого бутуна. Оказывается, тот самый охранник, который всегда помогал ей, разыскал родных. Слезы благодарности чуть не хлынули из ее глаз. Но Феоктиста сдержалась. Охранник передал ей сухари и до боли знакомую сумку с луком. Выставив всю эту роскошь на середину камеры, Феоктиста только и сказала: «Берите все, сколько нас есть. Чтобы хватило всем».

В отличие от других арестантов-сибиряков она задержалась в тюменской тюрьме дольше, до весны 1938 года, потому что после допросов «с пристрастием» попала в медицинский изолятор. Помутился рассудок. И это покажется невероятным, но именно тюремный изолятор спас ей жизнь: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Потому что все земляки-сибиряки, отправленные первым этапом, погибли. А Феоктисту направили уже с другими — южанами и латышами. Это был второй этап.

«Фашистов» везли строить железную дорогу Печора — Воркута. В открытых вагонах, как скот, выдавая лишь скудный сухой паек. Вместе с Феоктистой были и репрессированные прибалты, которые невероятным образом умудрились привезти с собой домашние подушки и даже матрасы. Увы, это «богатство» останется у них до первой встречи с уголовниками, которые сразу же «экспроприируют» все добро.

А пока... Мелькала бесконечная тайга да горы. И

снова тайга, и снова горы. И казалось, что этой утомительной, выматывающей душу поездке не будет конца. «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», — пела в нашумевшем довоенном фильме «Цирк» Любовь Орлова. Сейчас это звучало как насмешка...

* * *

Индустриализация страны привела к увеличению потребности в угле и нефти. Поэтому для промышленного освоения природных запасов республики Коми автономного округа постановлением Совета Труда и Оборона еще от 16 ноября 1932 года был организован Ухтпечтрест ОГПУ (Ухтпечлаг).

Какие же основные задачи треста определялись в этом постановлении? Разведка, эксплуатация имеющих промышленное значение полезных ископаемых Печорского бассейна, строительство железных дорог. Выполнить эти задачи вожди страны решили, не утруждая себя излишними рассуждениями, где взять кадры: строить железную дорогу дешевле всего было руками заключенных! А для этого «надо только» организовать на севере Коми лагеря-стройки. И нужна была только «отмашка» сверху, чтобы на местах начались массовые репрессии, чтобы «найти» эту самую рабсилу для лагерей. В условиях административно-командной системы управления в стране сделать это не составляло труда.

Глава пятая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Когда началась война, папа ушел на фронт. Мы в это время жили с мачехой в Тобольске. Там же жила и ее мама, которую мы звали бабушкой. И где-то году в 44-ом мачеха отправила нас с бабушкой и сестренкой в Березово. Зачем? Мы совершенно не знали.

Ехали пароходом, летом. Я помню, как мы приехали в Березово. Ни квартиры нет, ни родных. Как сосланные. Там, где сейчас аэропорт, есть лог. В этом логу нас и пустила жить в баню какая-то женщина. Наверное, пожалела. Так мы в этой бане прожили все лето. Но война

есть война. Все по карточкам. У нас же не прописки, ничего.

Как нам хотелось есть! Мы почти целое лето не видели хлеба. А там, где сейчас аэродром, был лесок, где росло много голубики. Мы собирали эту голубику ведрами. А летом ночи белые, бабушка поднимала нас ни свет ни заря и — в лес, брать ягоды. Потом меняли эти ягоды на хлеб. Бабушка даже, бывало, мыла у кого-то пол. Дадут ей за это 5-6 картошечек, она принесет их нам и поровну разделит. Еще собирали грибы. И я их столько тогда наелась — на всю жизнь! До сих пор на них смотреть не могу.

А дело шло уже ближе к осени. Я и говорю сестренке: «Изочка! Ты не беспокойся, я поеду в Тобольск, к маме, и скажу, что здесь очень тяжело живется. Пусть она приедет за вами или вам разрешит выехать». Вот дурочка! Я была слишком послушная, считала, что сначала надо спросить разрешения. А надо было, наверное, сразу сестренку брать с собой. Я сказала ей: «Пока пароход не отъедет, ты ничего бабушке не говори, что я к маме уехала!» И она, бледная, маленькая, с огромными испуганными глазищами, послушно стояла на берегу... Как у меня разрывалось тогда сердце!

Прощалась я с Изой и уселась на пароход, без билета. Тогда был так называемый четвертый класс. Это где дрова складывали. Раньше ведь пароходы ходили на дровах. Заготавливали дрова колхозы, каждому колхозу была норма: заготовить столько-то дров на летний период. Поленицы стояли недалеко от реки.

И вот наш пароход пристает к берегу, пассажиры помогают матросам таскать дрова. Натаскали, пароход отчаливает, плывем дальше. Вот в этом четвертом классе люди ехали по самому дешевому билету. Без места. Если поленица есть, на поленице. Если дрова истопили, прямо на полу.

А под нами было машинное отделение, пол был очень теплый, даже горячий. Он же железный.

Устроилась я в этом четвертом классе, вижу: очень много едет допризывников на фронт.

Один из них и присмотрелся ко мне. Видит, что день проходит, два, а я ничего не ем, не пью. Как сирота.

Подходит ко мне и спрашивает: «Ты куда, девочка?» — «В Тобольск». Расспросил меня, что да как. Сам ехал из Салехарда.

Вот он на время дороги и стал моим опекуном. Даже моей мачехе в Тобольск телеграмму подал, чтобы она меня встретила. Удивительные были люди! У самого ничего не было, ехал на фронт. А увидел, что девчонка, как выкинутый котенок, на голом полу спит, и пожалел. Всю дорогу подкармливал: то хлебушка, то кусочек сахара даст, то водички горяченькой..

Когда приехали в Тобольск, он взял меня за руку и вывел на пристань.

Действительно, мачеха встречала меня там.

Глава шестая. **ДОРОГА НА ВОРКУТУ**

Кожва, Печора, Абезь... Феоктиста Андреевна на всю жизнь запомнила названия этих населенных пунктов железной дороги на Воркуту. Позже А.И. Солженицын так писал об этой железной дороге в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Освоение столь обширного северного бездорожного края потребовало прокладки железной дороги от Котласа через Княжпогост на Воркуту. Это вызвало потребность еще в двух самостоятельных лагерях, уже железнодорожных — Севжелдорлаг (от Котласа до реки Печоры) и Печоржелдорлаг (от Печоры до Воркуты)».

...День сменялся ночью, месяцы переходили в годы. А они все шли, шли и шли, прокладывая трассу для новой железной дороги. На этапах Феоктиста Андреевна всегда старалась попасть в центр колонны. Она все время помнила, что должна сохранить себя для детей. Кто оказывался на обочине и, не дай Бог, пошатнулся, пристреливали сразу же: слабая рабсила была не нужна. А после это списывали актом «за попытку к побегу». Как говорил известный в то время лагерный деятель Френкель, «нужно забрать от узников всё в первые три месяца, а потом они уже не нужны».

«Если бы можно было взглянуть на стройку с высоты птичьего полета, — вспоминал о строительстве дороги ее участник Э. Ваза в книге О. Азарова «По тундре, по железной дороге...», — она напоминала бы

муравейник, протянувшийся на сотни километров. Кто-то из строителей рубит лес, выкорчевывает пни, кто-то в тачках отвозит в сторону негодный грунт, торф и болотную жижу, кто-то взрывает горы и засыпает овраги. Работа шла круглые сутки, в две смены. Днем — при свете солнца, если оно было, а ночью свет обеспечивали кострожоги из слабосильной команды».

Лазарь Шерешевский, участник строительства Северо-Печорской железной дороги, писатель, тоже вспоминал о том времени: «Выйдешь к насыпи — тоненькая ниточка тянется, желтая на пестром фоне летней тундры, а по обе стороны от нее — такая нетронутая, таинственная глушь, такое необжитое пространство, что поневоле всем существом держишься за эту ниточку, связывающую тебя с жизнью, с прошлым и с робкими надеждами на будущее...»

Человеческую индивидуальность в лагере старались всячески подавить. Там они были просто зэки: мужчины и женщины, старые и молодые... Как проклятые, оторванные от большого мира, в ватниках и кирзачах или валенках в лучшем случае, с неизменными котелками из банок и ложками за голенищем. В шапках-ушанках, в которых приходилось и спать, настолько продувными были бараки зимой. Страдающие от беспредела «рецидива» и невозможности получить весточку из родных мест. Сушившие осенью под собой мокрые портянки и боявшиеся довериться хоть кому-то, даже тем, кого уже хорошо знали...

И все-таки тяжелей было женщинам — в силу физиологии, особенно в «критические дни». Если было лето или осень-весна, приходилось прятаться за деревья, искать какую-нибудь лужу, и... «наводить порядок». И снова — в дорогу. Растирали всё в кровь. Это было настоящей пыткой!

Как мало сейчас они походили на когда-то любимых хороших женщин! Настоящее было таким жестоким и беспощадным, что прошлое казалось сном. Но под этими ватниками и этой невзрачной изможденной внешностью бились живые горячие сердца, в которых где-то, глубоко-глубоко, на самом доньшке, теплилась робкая надежда на спасение. На то, что когда-нибудь их освободят.

Человек ко всему привыкает, говорят в народе. Но смиряется ли... Больше всего Феоктиста Андреевна боялась ненароком заболеть на зоне и отстать от своих, оказаться в чисто женской колонии. Ведь среди своих были мужчины, которые помогали выкорчевывать пни в три обхвата, а среди женщин такой помощи не жди. Здесь все в равных условиях.

Да, мужчины, осужденные по 58-ой, «политические», были необычными людьми. Даже в лагерях они оставались джентльменами, старались помочь женщинам. А сами таяли на глазах, как свечи.

Тяжелым был 1940-ой год. Возглавивший Печоржелдорлаг Большаков, по воспоминаниям очевидцев, заявил, приехав в Абезь: «Бараков для заключенных строить не будем, трассу пройдем в палатках и землянках, надо с первых дней форсировать объемы основных строительных работ железной дороги: рубка просеки, отсыпка насыпи, разработка выемки...» И это при 10-12 часовом рабочем дне. Без всякой возможности элементарно прийти в себя, отдохнуть! Без нормального питания и одежды! Такая преступная установка привела к тому, что уже зимой-весной 1941 года умирало в день (!) по несколько десятков человек.

Написав несколько жалоб и не получив ни одного ответа, Феоктиста Андреевна могла надеяться разве только на чудо. Но чуда не происходило, а продолжалась монотонная жизнь на зоне, с ранней побудкой, лаем собак и беспросветным рабским трудом.

Начавшаяся война дала о себе знать и здесь, в трудлагерях. Резко ухудшилось снабжение. Даже специалисты из вольнонаемных питались неважно: на первое был суп из кормовой брюквы, а на второе — каша из овса, которую в лагере называли «жуй-плюй», так как все время приходилось выплевывать неочищенный овес.

28 декабря 1941 года в Воркуту пришел первый поезд.

Печоржелдорлаг был к этому времени самым крупным в Коми АССР. В сентябре 1942 года в его девяти лаготделениях насчитывалось более 50 тысяч заключенных. В этом же году из Воркуты по железной дороге было вывезено 654 тысячи тонн угля.

Иногда, во время бессонницы Феоктиста думала о

своих: где мама, девочки? Болеслав? Может, женился? А может, он сейчас на фронте? Эти мысли неотвязно ходили за ней все десять лет. Связи с внешним миром не было. И мама, и девочки, и муж представлялись ей такими же, какими она их видела в последний раз...

А потом была побудка, которую оставшиеся в живых после, в мирной жизни, будут стараться всеми силами забыть. «А лагерные сирены все выли, — так описывал то время писатель Василий Гроссман. — Дальние и близкие — северный сводный концерт. Он звучал над морозной красноярской землей, над автономной республикой Коми, над Магаданом, над Советской Гаванью, над снегами колымского края, над чукотской тундрой, над лагерями мурманского севера и Северного Казахстана.

Под голоса сирен, под удары ломака по рельсе шли добытчики Соликамского калия, балхашской меди, колымского никеля и свинца, воркутинского угля, шли строители железной дороги, идущей поверх вечной мерзлоты вдоль океана, колымских...трасс, рабочие лесоповала Сибири и Севера».

...В один из дней в их лагерь привезли новых заключенных — бойких девиц, обвиненных в связи с фашистами. Красивые, здоровые, острые на язык, они привезли с собой в зону странный аромат свободной жизни. И символом этой жизни были домашние пуховые подушки. Сначала новички, не зная местных порядков, хотели завести свои: не выходить на работу, флиртовать с охранниками... Но их скоро поставили на место. Зона — не дом отдыха.

Глава седьмая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

...Дома, в Тобольске, я рассказала маме, как нам трудно живется в Березово. Бабушку и сестренку надо срочно забирать сюда, в Тобольск. Начинался новый учебный год, и я пошла учиться в пятый класс. И целый год связи с родными никакой не было.

Чувствовалось, что маме не нравилось, что я вернулась. Она настолько была черства со мной и требовательна, что жить вместе для нас было пыткой. Учиться я должна была только на «отлично» и за каждую

оценку «хорошо» довольно-таки строго наказывалась. Помню, получила за четверть «хорошо» по географии. По остальным были пятерки. Отдать табель мачехе побоялась и спрятала его в подклад своего зимнего пальтишка. (Спрашивается, на что надеялась?) Проходят зимние каникулы, а табель этот у меня. Пощупаю — шуршит, и бегу кататься с горки. Мачеха как-то увидела, что у меня подкладка оторвана, решила ее подшить. А там — табель!

Елена Федоровна была очень властная женщина. И когда она кричала мне «Адель! Иди сюда!», я уже знала, что сейчас что-то будет. Так случилось и в этот раз. Только зашла, она без слов сгребла меня за обе косы и давай хлестать папиным ремнем с пряжкой. Да, видимо, не рассчитала, и этой пряжкой ударила по макушке. Хлынула кровь. Так шрам у меня на всю жизнь и остался...

Уже в детстве я, кажется, начала понимать, что означают слова «аферизм» и «предательство». В годы войны Елена Федоровна работала в Тобольске директором Дома пионеров. И мы жили прямо при этом доме, в маленькой квартирке с отдельным входом.

И вот как-то, еще до нашего отъезда в Березово, с фронта возвращается герой ее молодости, я его называла дядей Сашей. С открытой формой туберкулеза, дышит на ладан. Его даже домой, к жене, принесли с парохода на носилках. А наша мачеха была подругой его родной сестры Ольги. И, узнав от нее, что дядя Саша в Тобольске, стала писать ему... любовные письма. Буквально забрасывать. А меня заставляла быть тайным курьером между ними. Как это было противно! Я чувствовала, что своим послушанием и молчанием как бы предаю отца, воевавшего на фронте, но сделать ничего не могла.

Однажды жена дяди Саши, перестилая его постель, обнаружила под подушкой эти самые письма. Причем, некоторые из них в стихах. И сказала ему: «Вот тебе, дорогой, твои вещи. Вот тебе все!» И на телеге отправила его к тете Оле.

Когда дядя Саша обосновался у сестры, наша мачеха совсем потеряла голову. Чуть не каждый день она стала

Феоктиста Андреевна Турчанис (стоит)

«летать» к нему. А замашки... Крутила патефон и вытанцовывала перед ним что-то из балета. За нее было стыдно. И ведь подняла на ноги! Он начал ходить. Только придет к нам, нас с сестренкой — за дверь. На улицу. Зима ли, дождь ли, снег... А потом мачеха где-то вычитала, что лечить туберкулез можно собачьим салом и мясом. И стала нас заставлять ловить собак. А у этого дяди Саши был младший брат Игорь, старше меня на год. И вот мы собирались, брали веревки и шли «на дело».

Прошел учебный год. И летом мачеха опять отправила меня с какой-то женщиной в Березово разыскивать бабушку и сестренку. Приезжаю туда, а мне говорят: «Ой, что ты! Их давно нет». — «А где они?» — «Про бабушку не знаем, а сестренка вроде в детском доме. В Шайтанке». Откуда я знаю, где эта самая Шайтанка? Я сразу заплакала. А эта женщина мне говорит: «Ты не волнуйся. У меня из Шайтанки приехала в командировку пионервожатая. Она тебе все и расскажет».

Когда я встретилась с этой пионервожатой, та мне рассказала, что действительно есть такая Иза Турчанис в детском доме. Очень болеет, лежит в изоляторе, и ее скоро должны вывезти в какой-то летний лагерь. Кажется, в «Сосновый бор». Я снова заплакала: вдруг я приеду, а ее уже нет?

Пионервожатая оказалась добрым человеком. Она

успокоила меня и повезла в эту самую Шайтанку. А передвижение-то в те годы какое было? Неводник. Это большая-большая лодка. Раз или два в неделю от Березово до Шайтанки был «рейс», и перевозчики брали за это плату.

Приехала я в Шайтанку. Сестренку, на мое счастье, никуда еще не увезли. Она лежала в изоляторе. Пионервожатая привела меня к директору детского дома. Директор задала мне четыре вопроса: «Где папа? — На фронте. — Он жив? — Жив. Он нам письма пишет. — А мама у вас что, не родная? — Почему? Родная. — А почему она не приехала? — Потому что мама работает, ее с работы не отпускают».

В общем, мне приходилось выкручиваться. Не хотелось, чтобы вдавались в подробности жизни нашей семьи. Расспросы о маме меня всегда задевали.

Директор прониклась сочувствием к нам и сестренку мне отдала. Когда ее привели из изолятора, я чуть не заплакала. Такой худенькой она была, страшно смотреть. В каком-то казенном длинном платишке, подпоясанная веревочкой и похожая на монашку. Мы бросились друг к другу. «Не оставляй меня, Аленька, пожалуйста!» — твердила сестренка. — Не оставляй!» И я поклялась, что больше никогда в жизни — никогда! — не оставлю ее. Наше трудное детство настолько связало нас, что мы стали единым целым.

Глава восьмая. *ВЕЗДЕ — ЛЮДИ*

«Здесь, ребята, закон — тайга, — сказал о зоне один из героев А.И. Солженицына. — Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать.

Насчет кума — это, конечно, он загнул. Те-то себя берегают. Только береженье их — на чужой крови».

За годы вынужденного заточения Феоктиста Андреевна многого насмотрелась: и лжи, и предательства. Но она твердо поняла, что даже в таких нечеловеческих условиях можно оставаться человеком. Униженным, оскорбленным, почти раздавленным. Но человеком.

При рецидивистах положение политических,

конечно, резко ухудшалось: все «блатные места» те забирали себе: верхние, более теплые нары в бараках, работу на кухне; безбожно процветало воровство... На трассе не работали.

Однажды судьба столкнула и Феоктисту Андреевну с уголовным миром. По состоянию здоровья ее перевели с лесозаготовок на кухню. Получила продукты — муку и полведра масла. Их тут же пришли и забрали рецидивисты. И попробуй скажи кому, голову — на отсек!

Что делать? Сказать начальнику — не миновать карцера. Не сказать — завтра нечем будет кормить людей. На помощь пришла житейская смекалка. Пошла к кладовщику и попросила его выручить, дать масла. Пообещала, что будет потом ему потихоньку отдавать. Масло он дал. Потом обратилась к охраннику на проходной и попросила пропустить к бригадиру рецидивистов Майорову. (У самой — сердце в пятках. Как-то примет ее уголовный авторитет?)

Заходит. Майоров, как барин, на пуховых перинах (тех самых, наверное, что прибалты везли): «Что надо?» И Феоктиста Андреевна рассказала ему все, как было. «Говорила кому?» — «Никому». Тогда он написал кому-то петицию и со словами «отдашь тому-то, все вернут» отпустил.

Так обыкновенная женщина, «политическая», одержала на зоне пусть маленькую, но победу. Над обстоятельствами, над собой. За то, что она не подняла бучу, что добилась приема у лагерного «министра», уголовная братия вознаградила ее: приперла на кухню, где она работала, целый мешок пайков! Где уж они их собрали, у кого отобрали — другой вопрос.

Но как только рецидивистов угоняли в другие места, обстановка более-менее нормализовывалась. И Феоктиста по-своему радовалась, что сидит по 58-ой. Люди, осужденные по этой статье, были хорошими. Помогали друг другу, выручали.

Среди осужденных по 58-ой статье было немало людей не только душевно щедрых, но и высокообразованных. Некоторые из них даже работали в управлении лагеря на инженерно-технических

должностях. Известны случаи, когда лагерные «архимеды» вносили ценные рационализаторские предложения, которые использовались на производстве.

Интересный пример привел в своей книге «По тундре, по железной дороге...» О. Азаров.

Один из заключенных предложил конструкцию термоса из местных материалов. Термос состоял из двух берестяных сосудов, пространство между которыми заполнялось древесной стружкой, войлоком и паклей. Испытания показали, что спустя два часа после наполнения термоса кипятком, температура воды в нём была около 60 градусов, через четыре часа — около 48-50, через шесть — 40 градусов. «В случае получения еще лучших показателей, — писали авторы отчета, — термосы вышеуказанной конструкции могли бы получить широкое применение, в том числе и в Красной Армии».

Удивительные все-таки это были люди! Вместо того, чтобы думать о себе, они даже в экстремальных условиях, думали о других!

... Позже Феоктиста работала в пекарне. Хлеба здесь пекли очень много. Для детских садов, вольнонаемных, для себя. Когда по окончании первого рабочего дня в пекарне мастер дал ей хлеба, она боялась поверить своему счастью! Бежала в барак, чтобы порадовать этим свою подружку Марусю Бувевич. (Та работала на трассе, очень уставала и голодала).

«Вот было бы хорошо, — сказала мечтательно Маруся, когда они вместе поели, — если бы тебе завтра тоже дали хлеба». — «И мы бы с тобой его опять разделили», — закончила Феоктиста. Так с начала и до конца они с Марусей и прошли — промесили грязь этих бесконечных северных дорог-судеб.

Когда к концу срока у Феоктисты Андреевны появилась возможность за ударную работу получать отгулы и мыться в бане вместе с вольнонаемными, она сидела там с утра до вечера. В основном делая вид, что моется. И мало кто мог догадаться об истинной причине ее столь большой любви к бане. Просто в это время... она рассматривала женщин с детьми, иногда спрашивая их,

сколько же лет их детям. В этот момент она мысленно представляла, какими могли быть сейчас ее девочки, Адель и Изочка... Какими они стали? И эти мысли, эти потаенные чувства как бы соединяли ее с далекими дочерьми и облегчали боль разлуки.

Глава девятая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Летом 1945 года я привезла Изу из Березова домой, в Тобольск. К этому времени мы думали, что наш папа погиб, потому что в мае, накануне Дня Победы, пришли его документы: военный билет, фотографии.

Елена Федоровна стала с нами совсем грубой и циничной. Она отдала дяде Саше папины белые фетровые чесанки, и он открыто ходил в них. Какое же меня брало зло! А мачеха только повторяла: «Ты это прекрати!» А сама бежала к дяде Саше помогала благоустраивать квартиру, которую ему дали на работе.

В один из таких вечеров, когда мачеха привычно упорхнула туда, кто-то постучал в парадную дверь. «Значит, чужой», — подумали мы. — Наши-то все знают, что к нам заходить с другого входа». Все-таки выскочила, крикнула: «Кто там?»

Папа! Живой! Казалось, я сойду с ума от счастья. Пляшу на пороге, а сама лихорадочно соображаю, что же сказать про Елену Федоровну, если спросит, где она? И ничего не могу придумать.

Папа хватает нас, обнимает, плачет: «Доченьки! Доченьки!» И усаживает одну на одно колено, другую — на другое. А Изка после Шайтанки вся худющая, синющая. Она как приехала, сразу чирьи пошли: один сходит, другой садится...

В конце концов папа спрашивает: «А где мама?» И я пытаюсь спасти ее, объясняя, что «у нашей коровы нет сена, и мама пошла к дяденьке, чтобы договориться о покупке сена, а дяденька днем работает и живет далеко, поэтому мама может домой и не вернуться».

Отец прекрасно понял мои детские уловки и тут же скомандовал: «Одевайся! Пойдем к бабушке».

Болеслав Турчанис

Оказывается, он приехал еще днем, но ждал позднего вечера. Почему? Потому что, проезжая через Тюмень, зашел к родной сестре и узнал от нее про все флирты мачехи и ее отношение к нам. Отец уже тогда решил порвать с ней.

Но когда мы пришли к бабушке и он прямо спросил, как к нам относилась Елена Федоровна, я соврала: «Хорошо». Я жутко боялась мачехи и не верила, что папа может нас защитить. Так в конце концов все и осталось на своих местах.

Глава десятая. СВОБОДА

Когда Феоктисту Андреевну освободили (была осень 1946 года), она поначалу даже растерялась: что делать? Вольнонаемным тогда предлагали остаться.

Иза и Адель Турчанис (справа)

Политические агитки били на патриотические чувства: страна в разрухе, надо поднимать страну. Да и ехать домой без гроша в кармане...

«Может действительно остаться на сколько-то? Поднакопить денег? Приобуться — приодеться?» — рассуждала она. Но Маруся Бувевич, верная подружка, сказала, как отрезала: «Не выдумывай! Поезжай к детям! Не задерживайся здесь ни дня!»

И бывшая «зэчка», почти десять лет «оттрубившая» на зоне, изменившаяся внешне почти до неузнаваемости, но не душой, Феоктиста вдруг поняла: «Ну, конечно! Надо срочно ехать домой!»

В поезде, когда ее везли из лагеря в Абезь и она не знала точно, освободят ли, произошел забавный случай. Под конвоем она зашла в вагон. Там «курочке негде было клюнуть», столько набилось пассажиров. Молодой конвоир, все время придерживая рукой полевую сумку с секретным пакетом, искал глазами, где бы притулиться... Чтоб и подопечная сбежать не могла.

И тут какая-то невоздержанная на язык бабенка возьми да и брякни что-то в адрес Феоктисты. Глупая. Феоктиста Андреевна прошла в лагерях такую «школу

жизни», что той и не снилось. Она тут же ответила ей. Да так, что всех сидящих в купе как ветром сдуло. Так они и ехали до Абези вдвоем, как баре: она да молодой охранник. После были официальное освобождение и поездка на поезде уже до Тюмени.

* * *

В Тюмени Феоктиста Андреевна пересела на пароход. В Тобольске жили брат Николай и мама, родственники мужа. На первое время, рассуждала она, найдется, у кого приклонить голову. А там видно будет.

Но война давным-давно все перемешала, и уже на пароходе Феоктиста Андреевна узнала от знакомой, тоже ехавшей в Тобольск, что Николай застрелился. Как? Из-за чего? Пройти всю войну, и...

Оказывается, когда брат вернулся с фронта, то узнал, что его жена сильно гуляла с лучшим другом. А друг всю войну проработал в рыбтресте, оставаясь под «бронью». Мать Николая ничего не сообщала ему, боясь навредить. Рассказали другие. И брат, прошедший всю войну и убитый предательством любимой, покончил с собой...

«Эх, Коля, Коля... После войны осталось столько достойных молодых одиноких женщин, которые бы за счастье сочли быть с тобой». Она тут же вспомнила, что могла увидеть брата еще в 37-ом, когда их на баржах этапировали через Тобольск в Тюмень. Николай работал в речпорту, и она слышала его голос на пирсе, когда баржа остановилась в Тобольске. Но как было дать о себе знать? Сидели, как мыши. Попробуй, шелохнись. Наверняка, многие думали, что в этих баржах, как обычно, везут мороженую рыбу. Так и не свиделись.

Что теперь делать? Где искать маму? Детей? И Феоктиста по прибытии в Тобольск пришла к свекрови. Какой была эта встреча? О чем и как говорили эти настрадавшиеся женщины? Знает лишь Бог.

Но жизнь продолжалась, и надо было думать о живых. Свекровь рассказала Феоктисте, что Болеслав женился еще до войны, и сейчас с девочками и женой живет в Вагае, работает главным бухгалтером в какой-то организации. Еще она дала ей адрес знакомых по

Ханты-Мансийску и живших сейчас в Тобольске Мальцевых. И Феоктиста получила в лице этих людей на первое время хорошую поддержку, надежное плечо. «Живи, сколько хочешь у нас, — сказали ей Мальцевы. — Если привезешь ребятишек, приводи их».

Мир не без добрых людей. Это верно.

Но впереди была нелегкая встреча с Болеславом и дочерьми. И думы о ней не давали ей ни есть, ни спать.

Разузнав рабочий телефон мужа, Феоктиста Андреевна позвонила ему прямо на него:

— Болеслав, я вернулась.

— (Пауза).

— Я хочу видеть детей.

— (В замешательстве). Скоро я должен ехать с квартальным отчетом в Тобольск. Жди меня.

— Я не могу ждать. Я хочу видеть детей!

Глава одиннадцатая. *ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ*

... В тот вечер, помню, я пришла из школы и учила уроки в своей комнате. У папы, как всегда, продолжались вечерние занятия в конторе. Как и раньше, они продолжали работать и вечерами, и ночами. Без отпусков. Сталин был еще жив.

А мы жили под Вагаем, на пристани Карелино, почти дверь в дверь с конторой, в которой работал папа. И вот прибегает он домой взволнованный и сразу в комнату к Елене Федоровне. Я услышала, как она зарыдала: «Я десять лет этого ждала!»

Десять лет, десять лет... Мне эта десятка сразу в голову ударила. Я же слышала, что маму посадили на десять лет: «Наверное, мама вернулась!» А сама сажу, не подавая виду, что о чем-то догадываюсь.

Что делать? Когда Елена Федоровна плакала, мы всегда должны были оказывать ей внимание. Если бы мы были безразличны, нам просто-напросто наподавали бы... И мы с Изкой пошли жалеть «маму».

— Ну, вот, — сказала она, — приехала ваша родная мать.

Назавтра папа сел верхом на лошадь — до

Тобольска было за сотню километров — и в слякоть поскакал туда.

Много позже мама рассказала, как произошла их встреча. Встретились они у бабушки, папиной мамы. У бабушки был хороший двухэтажный дом. На первом этаже — большая столовая, русская печь, стол. И лестница на второй этаж. Когда папа вошел, мама стояла возле этой лестницы. Он остановился. И оба молчат. «Ну, вот, — сказала, наконец, мама, — десять лет мы были самыми близкими, а сейчас не знаем, что друг другу сказать». Села на ступеньку и заплакала. Она без ума любила отца до конца жизни. Он был умный. Высокий, стройный. Словом, атлет.

У отца была добрая душа, но он боялся ее раскрыть. Считал, что это — слабость. А на самом деле он мог и заплакать. И мама тогда сказала ему: «У меня к тебе единственная просьба: я хочу как можно скорее видеть детей!» И они стали разговаривать о нас. Мама — отцу: «Спасибо тебе большое, что ты сохранил детей, вырастил. Но я хочу, чтобы хотя бы одна дочь жила со мной». Он: «Об Адели не может быть и речи. Адель очень любит Елену и она уже взрослая, 14 лет. А вот Изюмка (так мы звали Изу) — видно будет...» Мама настояла, чтобы папа побыстрее устроил нашу встречу. Папа отправил маму на катере в Вагай, а сам остался по делам в Тобольске.

Глава двенадцатая. **ВСТРЕЧА**

Дом на пристани Карелино Феоктиста Андреевна нашла сразу: накануне Болеслав подробно ей все объяснил. О чем думала она, подходя к дому? Какой представляла себе эту встречу? Она и торопилась, и боялась ее.

И вот проходит и говорит Елене Федоровне: «Здравствуйте! Давайте знакомиться...»

Ах, если б хватило в этот момент мудрости второй жене Болеслава! Не противопоставлять бы себя

Феоктисте, не злиться. А встретить — приветить по-человечески... Та же ничего не придумала лучшего, чем демонстративно пойти в контору и позвонить мужу в Тобольск: «Срочно выезжай, если хочешь нас застать живыми!»

В это время Адель возвращалась из школы. В школу ходили тогда за четыре километра. Попутно ей надо было пригнать с пастбища коров, потом намыть картошки свиньям, убрать у коров, подоить их... Девчонка училась всего лишь в седьмом классе, и ко времени подготовки к урокам была уже вымотанная и выжатая, как лимон.

Адель вошла в дом, поздоровалась. И робко юркнула в свою комнатенку, чтобы положить портфель да переодеться. Сердце ее лихорадочно билось, она никак не могла унять его. В странной незнакомке, молча сидевшей у них на кухне, она сразу же узнала свою мать. И все события прошлой жизни — кукла, качели, большие шишки, летевшие в их огород прямо в мешках — молнией пронеслись в голове. И ниточка на маминой губе, когда она шила, и мохнатые лапы кедров, махавшие ей вслед, когда она провожала маму «до уголочка», и их домик на взгорке с высокой лестницей, и запах сырости и осенних листьев. Всё-всё-всё...

Адель вышла на кухню. «Алечка, — сказала ей странная женщина с родными глазами. — Ты не узнаешь меня? Я у вас няней была, когда вы жили в Самарово». — «Нет, не помню».

Не могла же она броситься к маме на шею на глазах у сверлящей ее взглядом Елены Федоровны! А Феоктиста, в свою очередь, боялась спугнуть дочь. Сколько же ей надо было сил, чтобы удержаться и не заплакать, не обнять свою милую Алечку!

Потом пришла Иза. И вскоре Феоктиста Андреевна уехала обратно, в Тобольск. Душа ее была в смятении. Какое счастье, думала она, что ее девочки живы, что она встретила с ними! Но что же будет дальше? И с этими мыслями она засыпала и просыпалась все последующие дни.

Глава тринадцатая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Незаметно пролетел учебный год, и на следующее лето я поступила в Тобольский медицинский техникум. На первом курсе жила у папиной мамы — моей бабушки. Мама к этому времени работала в больнице сестрой-хозяйкой и жила недалеко, так что я к ней забегала практически каждый день. Мама шила мне халаты, какие-то платишки. Мы хорошо ладили. И я постепенно начала привыкать к ней.

Иногда мама ненавязчиво приглашала меня пожить у нее или остаться ночевать, но я пока не решалась. «Нет, нет, — говорила я. — Мне надо к бабушке». Мама, чувствовалось, очень скучала по мне и поэтому, чтобы продлить наше общение, даже провожала меня до дома.

Ах, как трудно нам было найти дорогу друг к другу через эти проклятые десять лет! Видимо, сказывалось еще и то, что Елена Федоровна меня всячески настраивала против. «Вот уйдешь к ней, — нудила она. — Растила я вас, кормила, ничего не заслужила...» Мое сердце просто разрывалось от противоречий! Ведь она нас на самом деле и поила, и кормила...

Вскоре папа и Елена Федоровна переехали в Тюмень. И после окончания первого курса я поехала к ним на каникулы. Папа работал в Тюмени на рыбокоптильном комбинате и этим же летом по служебным делам отправился в Тобольск. Елену Федоровну взял с собой. Каково же было мое удивление и изумление, когда они вернулись оттуда, привезя с собой мои вещи: подушку, одеяло...

Я только подумала: «Боже мой! Что же они наделали!» Оказывается, Елена Федоровна все преподнесла отцу так, что я все время рыдаю и прошу перевести меня в Тюменский медтехникум. И так его «обработала», что они забрали из Тобольска мои документы и привезли их тоже в Тюмень.

Как я была подавлена! И сказать что-то против мачехи не посмела, первого сентября послушно пошла в медтехникум уже в Тюмени.

Поскольку Елена Федоровна не работала, то, как только я возвращалась с учебы, она начинала меня пилить и всячески «поддевать»: «Ну, что? Ты ее матерью

звала? Не та мать, что родила. А та, что воспитала».

И я все вечера напролет сидела урванная. Однажды отец, догадываясь, что происходит что-то неладное, спросил у мачехи прямо: «Ты что ее доводишь?» «Господи! — думаю. — Зачем он ей все это сказал? Завтра мне будет такая взбучка!» И вот в воскресенье утром, когда Елена Федоровна ушла на кухню что-то готовить, я сказала: «Папа, отправь меня, пожалуйста, в Тобольск!» Он все понял. И сделал. Это был поступок, за который я ему благодарна до сих пор.

На втором курсе я перешла жить к маме. Но вести себя с ней до конца свободно и непринужденно все еще не могла. Я даже не могла назвать ее мамой и все время обращалась на «вы»... Жить с такой тяжестью в душе было невыносимо. И однажды в какой-то момент откровения я исповедалась перед старостой нашей группы Лизой. Она была старше нас и тоже в жизни хлебнула горя: ее папа рано погиб на фронте... Больше о моих терзаниях не знал никто.

«Как? Ты не зовешь ее мамой?» — возмутилась Лиза. И чуть ли не приказала: «Сегодня я приду к вам в гости и не уйду до тех пор, пока своими ушами не услышу, как ты свою мать назовешь мамой». «Но, как? Как?» — в смятении вопрошала я. «Да так, — спокойно ответила Лиза. — Уйдешь в другую комнату и крикнешь оттуда... Спросишь разрешения пойти в кино».

В глубине души я надеялась, что Лиза забудет обещание или что-то помешает ей прийти к нам. Но обязательная Лиза пришла точно в срок. И мама пригласила ее попить чайку.

Остальное помнится, как в тумане. Под гипнотическим взглядом Лизы я почти выбежала в другую комнату и, не зажигая свет, потому что боялась в этот момент даже собственной тени, крикнула срывающимся голосом: «Мама, можно я пойду с Лизой в кино?» «Видела бы ты, — рассказывала мне позже Лиза, — как изменилась в лице твоя мама! Как побледнела!» «Конечно, можно», — ответила она. И эти обычные для других слова были в тот момент для нас самыми важными и необыкновенными!

... Время было послевоенное, трудное. Но людская

дружба помогала выжить. Не только физически, но и душой. Спасибо Лизе за ту помощь... Через всю жизнь прошли с нами и Лопаревы. Те самые, что первыми пришли на помощь в Ханты-Мансийске, когда арестовали маму. Позже они переехали в Тобольск. И мы часто бывали у них в гостях. А годы были голодные, всё по карточкам. Вечно у нас глазенки блестели! Вечно хотелось кушать! И взрослые понимали это и, отрывая от себя, давали ребятишкам. У дяди Саша Лопарева был сын Володя. Так получилось, что мы одновременно закончили учебу: он — в рыбтехникуме, я — в медицинском. И Володя объяснился мне в любви. Его открытка до сих пор хранится у меня..

Как говорится, мир тесен. У жены Platона Лопарева — Клавдии Петровны Дорониной — я училась в техникуме. Она была акушером-гинекологом. А ее дочь Диана Платоновна преподавала у нас математику в школе. Помню, как однажды Диана Платоновна пришла на урок заплаканная: они получили похоронку на брата.

Глава четырнадцатая. ЗАБЫТАЯ ЗАПОВЕДЬ

«Возлюби ближнего, как самого себя...» Забвение христианских заповедей, веками учивших людей добру, терпимости и милосердию, сформировало в советское время характеры настолько разные, непохожие друг на друга, противоречивые, что порой приходилось только удивляться, как такие люди вообще могли жить вместе. Причем, долгое время.

Нешуточные страсти в семье Турчанис бушевали, прежде всего, по причине неуправляемого характера Елены Федоровны. Словно злой бес вселился в душу этой женщины. Она хотела иметь все и сразу: красавца мужа на хорошей должности, при котором можно было не работать, умных, послушных дочерей. И все препятствия на своем пути сметала, как ураган, совершенно не задумываясь о том, как это отразится на тех, кто рядом. В ход шло все: обман и лицемерие, притворство и лукавство.

После того, как Феоктиста Андреевна побывала в Вагае, на семейном совете Турчанис решили, что старшая, Адель, останется жить с отцом, а младшая,

Адель и Изабелла

Иза, с Феоктистой Андреевной. Но для второй жены Болеслава дети стали разменной монетой в отношениях с мужем и его родными. Она решила во что бы то ни стало вернуть обратно и Изу. Чувства самих детей в расчет не брались. И с этой целью она специально поехала в Тобольск, подкараулила девочку на улице и под благовидным предлогом увезла к себе.

Феоктиста Андреевна, потеряв в этот день дочь,

была в шоке. Она не знала, что и думать. В голову лезли самые дурные мысли... Время-то было какое! Животный страх пронзил ее насквозь. В конце концов она догадалась позвонить Болеславу. И всё прояснилось.

Чувство безысходности, одиночества и бессмысленности жизни захлестнули ее. Вернуть дочерей? Но все против этого. Зачем жить дальше, если ее любовь, она сама никому не нужны. А жить «для себя» она не хотела и не могла. И Феоктиста Андреевна решила свести счеты с жизнью. Мать Болеслава чудом спасла ее из петли. «Феша, да разве так можно? — пыталась она привести в чувство обезумевшую от горя сноху. — Дай время, и все наладится. Нужно время».

Время шло. Но суровая послевоенная жизнь не собиралась осыпать милостями и радостями Феоктисту Андреевну. Более того, она преподносила ей новые испытания. И с той стороны, с какой их можно было ожидать меньше всего.

Трудолюбивая и красивая от природы, независимая и общительная, она сразу же привлекала к себе людей. Обратил на нее внимание и заместитель главврача по хозяйственной части больницы, в которой Феоктиста Андреевна работала. Женатый человек, уже имеющий ребенка, коммунист, «тыловик», он делал ей грязные предложения... Но Феоктиста Андреевна резко осаживала его, чем, видимо, еще больше разжигала страсть. Мужчины после войны были в большом дефиците, и отказывать им, по понятиям ухажера, было нельзя. «Помни, откуда ты пришла, — зло шипел он ей вслед. — Туда же можешь уйти, хватит одного моего звонка!»

Редкий, говорят, был мерзавец. Феоктиста Андреевна даже меняла работу из-за него. Но пронцательный главврач, поняв ситуацию, вовремя исправил ее и вернул Феоктисту Андреевну обратно.

Масло в огонь подливала и вторая жена Болеслава, строча в милицию доносы на «соперницу». Оттуда эти «документы» пересылались тому же главврачу. И он снова брал под защиту уставшую от мышинной возни женщину.

... «Возлюби ближнего, как самого себя». Феоктисте

*Феоктиста Андреевна, Изабелла Михайловна
(сестра Болеслава), Иза и Адель*

Андреевне было о ком заботиться. Девочки росли, и одна за другой поступили в институты: Адель — в Омский ветеринарный, Изабелла — в медицинский. Тоже в Омске. И тратить время на пустую борьбу с «ветряными мельницами» было некогда.

Глава пятнадцатая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Годы учебы в институте были трудными, но, наверное, самыми счастливыми в моей жизни. Трудными, потому что приходилось очень много заниматься, снимать квартиру, подрабатывать медсестрой в детской поликлинике. Я никому не рассказывала о своей жизни, все считали, что я из обеспеченной семьи. Общежитие тогда давали только тем, у кого отцы погибли на фронте или кто был круглой сиротой. А у меня и мама, и папа вроде были...

Елена Федоровна считала, что мы с Изой предали ее, уйдя жить к маме, и всячески настраивала отца против нас. Рассчитывать на помощь папы не приходилось. А мама с утра до вечера зарабатывала деньги, даже донорством, чтобы иметь возможность хоть

что-то высылать нам. Ночи напролет шила простыни, халаты, наволочки для больницы.

Только на четвертом курсе мы разговорились с нашим однокурсником Сашей Даниловым, который тогда был председателем комиссии общежития, и он чуть не плакал, узнав о моей судьбе. Он заставил меня написать заявление. И когда я приехала в сентябре на учебу, прочитала в списке, что мне дали общежитие. Вот это была радость!

Удивительно, но при всей нашей занятости мы находили время и на отдых. В основном, спорт. Сколько интересных спортивных мероприятий тогда проводилось в нашем институте и городе! Через спорт я познакомилась и со своим будущим мужем Димой Логиновым. Он учился курсом старше и очень увлекался футболом, лыжами. Я же предпочитала художественную гимнастику, хореографию. Бывало, у нас шли тренировки в спортивном зале, а ребята — лыжники возвращались со своих тренировок и заскакивали иногда к нам. Так в конце концов мы и «пересеклись». Какое это было счастливое время! Мы были молоды и полны радужных надежд!

Но я втемяшила себе в голову, что выйду замуж только в 25, и поэтому после окончания ВУЗа преспокойно поехала на свое место работы — в деревню Ембаево, под Тюмень. А Дима ждал меня. (Вообще-то по распределению я должна была ехать в Амурскую область, но Дима уговорил меня не делать хотя бы этого).

В Ембаево я работала главным ветеринарным врачом Тюменской РТС — ремонтно-тракторной станции. Зона обслуживания — от Тюмени до Борков. И вот я объезжала свои владения на лошади. Тогда ведь машин почти не было. Запряжет мне санитар лошадку — красивая была лошадка орловской породы, списанная с тюменского ипподрома — и вперед!

В Ембаево был ветеринарный участок, который обслуживал три совхоза. Помню самый серьезный случай в моей практике того времени. Мы с подружкой Валентиной Мальцевой (она жила в Тюмени, а до Тюмени из Ембаево каждый день ходили рейсовые

В те годы спортом «болели» все! Адель в центре.

автобусы) решили сходить в театр. Накручиваю я перед зеркалом кудри, наряжаюсь. У меня еще живо было выпускное панбархатное платье — черное с розами — самое лучшее на курсе, мама постаралась. И вдруг вижу в окно: прискакал всадник. Привез записку, что в Борках вспышка ящура и срочно надо ехать туда. И я пробыла в этих Борках почти месяц. Жить было негде, поэтому спала в конторе на столе председателя колхоза. Вакцины против ящура тогда еще не было. Там же работала московская комиссия, привлечены были милиция, санэпидемстанция, все ведомства по борьбе с инфекцией. Главное — мы не допустили падежа. Ведь ящур — очень заразное заболевание.

В Ембаево ко мне приезжали Мальцевы — дядя Толя и тетя Маруся. Они к этому времени переехали уже в Тюмень. Общались мы, как родные люди. Приезжал и папа посмотреть, как я устроилась. И именно здесь между нами произошел самый важный в жизни разговор. Мы уже не могли с ним сидеть, бросили одеяло на пол, легли на животы, подушки под локти, и всю ночь проговорили. Я ему все назвала своими именами, рассказывая про Елену Федоровну. Его всего колотило,

Адель(справа) с друзьями — участники Всесоюзного парада физкультурников. Москва, 1954г.

он только повторял: «Я ей этого никогда не прощу!»

И что же? До конца жизни он все-таки так и остался с ней. Что это было — приворот, колдовство? — не знаю. Наверное, он очень мучился, но «оторваться» от нее никак не мог.

Часть вторая
ЗЕМНЫЕ ЛИКИ
НЕЗЕМНОЙ ЛЮБВИ.

Глава первая. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

В конце пятидесятых Логиновы-Турчанис переехали в Ханты-Мансийск уже в качестве молодых специалистов. (Адель Болеславовна оставила фамилию мамы в знак глубочайшего уважения к ней). Город был тогда больше похож на большую деревню. Тихий, зеленый. Молодым супругам дали служебную квартиру по улице Энгельса – одноэтажный деревянный дом на двух или трех хозяев с отдельным входом у каждого. Вскоре к ним приехала и Феоктиста Андреевна. Она видела, что Адель и Дмитрий очень любят друг друга и безмерно радовалась за них.

Сама же старалась, чем могла, помогать «детям» по хозяйству: стирка, готовка и пр. Разве мало работы по дому? Тем более, когда быт был далеко не благоустроен. Поистине, материнская любовь безгранична. «Дети» же с головой окунулись в свои служебные дела.

Дочь нередко шутливо ворчала на нее: «Мама, ради Бога, не стирай наше белье! Нельзя это делать по возрасту твоему. Если ты еще раз выстираешь, я обещаю, что куплю мешок и буду складывать белье в него, уносить на работу и приносить обратно только в день стирки!»

«Ну, давай! Таскай!» — в тон ей отвечала, улыбаясь, Феоктиста Андреевна. И продолжала помогать везде и во всем.

За всю свою жизнь домашние не услышали от нее ни одного бранного слова. Она лишь изредка в минуты откровения говорила дочерям: «Я перед вами в долгу, потому что не смогла вас вырастить и лишила детства. У вас такое тяжелое было детство...»

Как ни старалась Феоктиста Андреевна забыть свое прошлое, оно нет-нет да напоминало о себе. Однажды, узнав, что она вернулась в Ханты-Мансийск, к ней пришла целая делегация из рыбоконсервного комбината во главе с секретарем партийной организации с предложением выступить перед земляками... «Как поздно вы вспомнили обо мне», — был ответ. Но встреча в клубе рыбаков все-таки состоялась, и равнодушных на ней не было. Слишком велика была трагедия, случившаяся осенью 37-го в Самарово — Ханты-

Мансийске, слишком много умных, талантливых, просто честных людей поплатились своими жизнями только за то, что старались верой и правдой служить своей Родине...

В другой раз к ней пришла... Феоктиста Андреевна не могла поверить собственным глазам: бывшая кадровичка комбината. Она на коленях просила у Феоктисты Андреевны прощения. Говорят, именно она в 37-ом вынуждена была внести последнюю фамилию в тот роковой список: Турчанис Феоктиста Андреевна, мастер цеха.

Живя в Ханты-Мансийске, Феоктиста Андреевна старалась избегать всего того, что напоминало бы ей о том времени: за сто шагов обходила здание милиции, в клубе которой приняла столько мук, а в Самарово вообще предпочитала не ездить. Но Прошлое само находило тропинки – лазейки в Настоящее...

Глава вторая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Странные все-таки бывают в жизни совпадения. Мама редко рассказывала мне о своем лагерном прошлом. А я, зная, насколько эта тема тяжела для нее, старалась ее вообще не поднимать. Но как-то так получалось, что нет-нет да 37-ой год напоминал о себе.

Как-то к нам в город приехал известный врач Зюзов, который работал в Ханты-Мансийске еще в тридцатые годы. Старенький, точь-в-точь папа Карло. В какой-то старомодной шубейке с таким же старомодным воротником. Пуговиц на шубейке не хватало, и мы втайне от него их пришили. Оказывается, Зюзов тоже сидел в трудлагерях. Причем, с известнейшим ученым Робертом Ционом, который за время пребывания в лагере создал такой микробиологический определитель, по которому все страны мира, все микробиологи работают до сих пор!

И этот врач рассказал мне, что Циона в лагерь принесли на носилках, настолько он был немощный, истощенный после пыток и издевательств. В лагере Зюзов работал на подсобном хозяйстве и какую возможность он там имел? Когда погибала лошадь, из нее делали для Циона бульон. И этим бульоном его отпоили. Так что заслуга этого внешне чудаковатого старого

Феоктиста Андреевна с внуками

доктора была в том, что он помог остаться в живых такой величине, как Цион! А ведь я еще до этой встречи, когда была в Ленинграде на курсах повышения квалификации, имела счастье бывать на лекциях Циона.

Но жизнь продолжалась, мы были молоды и, конечно, полностью отдавались любимой работе и были устремлены в будущее. Иногда, на подсознании, возникали мысли: не съездить ли в те места, где отбывала срок мама, что-то неудержимо тянуло меня туда. Но всегда что-то мешало. А сама мама ни ехать туда никогда не хотела, ни поддерживать связи с бывшими осужденными. Это было слишком тяжело.

Во время Перестройки мы ездили с Димой в Тюмень за документами по маминой реабилитации. А когда привезли их, она не обрадовалась им и не огорчилась. Только беспокоилась, как бы лагерное прошлое ее не повлияло на нашу судьбу.

А еще в те дни я взяла у знакомой журналистки подшивки «Остяко-Вогульской правды» за 36-37-ой годы и ночи напролет листала их в надежде найти хоть какую-то информацию по тому периоду. Меня мучила масса вопросов: почему это произошло? За что расстреливали и отправляли в лагеря невинных? И, естественно, никаких ответов не находила. Потому что в то время это была «тайна за семью печатями».

Единственное, на что в этих газетах я обратила внимание, это желание правящего режима всеми возможными способами удержать свою власть. Ведь, судя по публикациям-то, как на собраниях выступали? Выдавали своих же! Встает какой-нибудь член партии и говорит: такого-то надо изолировать, посадить. Читала и поражалась: наверняка, он с этим кем-то просто поссорился и вот таким образом решил ему отомстить. И учителя там были, и работники связи, и медики... Страшное это было время.

* * *

...Однажды я спросила у мамы, почему меня назвали Аделью? И мама поведала мне любопытную историю. Оказывается, когда я родилась, папа служил еще в армии, и имя мне выбирал... наш хантымансийский рыбоконсервный комбинат. Из чего исходили? Родилась девочка, отчество Болеславовна, фамилия Турчанис. Значит и имя должно быть соответствующее. Не назовешь же Анной Болеславовной или Екатериной. Не знаю, сколько я была нерегистрированная, меня все Лялька да Лялька. А потом супруги Пашины приходят: «А что если Адель? Адель Болеславовна?» Это их выдумка. Так я и стала Адель Болеславовной.

А насчет судьбы... В то время разрушили самаровскую церковь и на ее месте собирались строить клуб. А там по склону было кладбище, и беременная мной мама провалилась в одну из могил. Это было предостережение, что ли... И испытания ей тяжкие Господь послал, и радость. Я видела, как мама радуется за нас с Изой, что мы получили хорошее образование и любимых встретили на всю жизнь. Она как бы реализовалась через нас и всю свою нерастраченную любовь отдала нам.

Часто вспоминаю наше с Димой «свадебное путешествие». Послали нас тогда в Саранпаульский совхоз обрабатывать оленей. Муж уходил сопровождающим в стада, а я оставалась в бригаде оленеводов. Уже стояла поздняя осень, и мы с ним не виделись где-то два с половиной месяца. И вот приходит он к месту нашей встречи весь измотанный, искусанный,

Адель и Изабелла с мужьями

уставший. Солнце совсем закатилось, почти темно. А потом узнаю, что, несмотря на замотанность и усталость, он готовился к нашей встрече и даже принес мне...подарок. Об этом рассказала в своей книге «Северное созвездие» журналист Любовь Луцкая, она брала у Димы интервью. Я часто перечитываю эти его воспоминания:

«...Возвращался обратно через разработки полярной экспедиции, где добывали горный хрусталь. Отходов там было очень много, попадались и очень интересные друзья... Я знал, что такого жена нигде не увидит, и хотелось хоть частицу этой красоты ей принести. Заканчивалась осень, цветов никаких уже не было. А камни лежали под ногами и были ничуть не хуже... В конце концов я стал складывать камни в карманы плаща, брюк. А их так много, и один краше другого, хочется и тот жене показать, и другой. Увлёкся, но вскоре ощутил такую тяжесть, что стал с трудом передвигаться. Уже и чум вижу, где она оставалась, а идти неблизко... Но я все-таки дошел, донес все найденные кристаллы и показал Адели Болеславовне... С того времени, считайте, больше сорока лет прошло. Но раз камень остался, наиболее яркий, наиболее примечательный, значит, дорог он. Как память. Как символ молодости и любви».

...С Димулечкой отношения у нас были неземные. Подобных нет! А камень, его подарок... Недавно я носила его в первый класс, где учится внук Янечка. У них была тема про Урал, и хотелось показать детям, какие красивые камни существуют в природе. Так что подарок Димы продолжает жить не только в моей душе...

Глава третья. ДВЕ СЕСТРЫ – ОДНА СУДЬБА

Сейчас Адель Болеславовна живет в Ханты-Мансийске, а ее сестра Изабелла Болеславовна — в Омске. Всей душой они, конечно, хотели бы жить поближе, в одном городе. Но превратности судьбы не позволяют им пока это сделать. Несколько лет назад их любимые мужья — Дмитрий и Вадим — ушли из жизни. В один год, с разницей в 39 дней. Первым не стало Дмитрия. Назавтра справлять сорок дней, уже заказан обед, а вечером звонит Иза и сообщает сестре о гибели Вадима: ушел на работу и не вернулся. Оторвался тромб... Что делать? И Адель Болеславовна, не раздумывая, принимает решение: срочно лететь в Омск. Надо помогать живым. Обзвонив всех друзей и извинившись перед ними за внезапный отъезд, просит провести поминки без нее. И это большое общее горе в очередной раз объединило сестер. Разве забудешь давнее — Шайтанку, детский дом: «Не оставляй меня, Аленька, не оставляй!» И она на правах старшей сестры держит данную в детстве клятву.

Так что съезжаться пока не получается: Изу держит в Омске могила мужа, а Адель — могилы мамы и Дмитрия.

Как выражается сама Адель Болеславовна, они круглый год с детьми и внуками, как «цыганский табор», как «балаган без крыши», кочуют из одного города в другой и обратно. За эти годы у них даже выработалось свое расписание. Как правило, в ноябре приезжает в Ханты-Мансийск Иза и живет у сестры где-то до Нового года. Потом ее дети Наташа и Стас с внуками Димой и Яном (все они живут в Ханты-Мансийске) отправляются на зимние каникулы в Омск. Так что обе бабушки не чувствуют себя одинокими. И забот, и

тревог, и радостей в их настоящей жизни хватает.

Ушло из жизни старшее поколение Турчанис — родители Адели и Изабеллы — улеглись бушевавшие столько лет страсти. Но до сих пор Адель мучается неразрешимыми вопросами: как относиться к отцу? А Елена Федоровна? Она даже в конце жизни не стала мудрее, выкинула очередной фортель: подала в суд заявление на алименты с Адель! Разве вычеркнешь это из памяти?

Глава четвертая. ИЗ ДНЕВНИКА АДЕЛИ

Когда становишься старше, по-другому начинаешь оценивать многие события своей жизни, жизни близких. Как говорится, «если бы молодость знала, если бы старость могла». Но такие понятия, как дружба, верность, порядочность не стареют. Они поддерживают тебя в трудную минуту. Люди, которые сделали тебе добро, давным-давно ушли из жизни, а добро это проросло в твоём Настоящем, глядишь, и через тебя перекинёт «мостик» в Будущее...

Сейчас, когда я прожила жизнь, при мысли, смогла ли бы я поменяться с мамой местами, мне становится страшно. И когда в моей жизни что-то случается и я начинаю паниковать, то всегда вспоминаю маму: «Разве у меня горе? Вот у мамы было горе...» И вот этим примером маминой жизни «глушу» свои неприятности.

Когда я вижу в глазах взрослых или ребенка тревогу, обиду, то всегда останавливаю его и спрашиваю, особенно маленьких, почему печальный? Кто обидел? Я не могу проходить мимо человека, если чувствую, что у него что-то случилось. Видимо, потому, что в жизни встретила много добрых людей, которые на меня обратили внимание в свое время. Душа наполняется этим добром. От таких людей надо черпать и черпать. И помнить о них.

* * *

... Давно нет в Ханты-Мансийске старого рыбоконсервного комбината. На месте первого нашего с Димой жилища взметнулась кирпичная высотка.

Старый домишко по улице Чапаева, где прошло мое раннее детство, тоже ушел в небытие. И только деревья, посаженные земляками в тридцатые годы и оставленные нам в наследство, и эти кедры — живые свидетели той далекой и сложной поры. Сколько же всего они повидали на своем веку... Иногда я останавливаюсь возле этих деревьев и мысленно разговариваю с ними. О чем? Трудно сказать. Это, скорее, язык души. И его невозможно «перевести» на обыденный.

Иногда, проснувшись рано, я подолгу смотрю в окно на осенние листья. Желтые листья на голубом небе почему-то постоянно волнуют меня. Какая первозданная стоит тишина, которую можно почти «пить горстями» и слушать до бесконечности, не боясь, что ее прервет вой сирены или удары ломака о рельс...

... Недавно мне попала в руки местная газета с любопытной публикацией. (Автор — Татьяна Северская, а статья называется «Мертвая дорога нужна живым»). Речь в ней идет о брошенной сталинской стройке № 501. Журналисты на вездеходе держали путь от Надыма до Салехарда по линии будущей ЛЭП. И большая часть маршрута проходила вдоль этой дороги: «старые насыпи, почерневшие бараки для эков, длинные ряды колючей проволоки, смотровые вышки...» Я читала, и каждая строчка переворачивала душу. Вместе с журналистами и я мысленно заходила в эти мертвые станции-лагеря, видела потемневшие от времени бараки с еле различимыми надписями на нарах, вместе с ними вслушивалась в эту жуткую, кричащую о Прошлом, тишину.

Но главное — в этой статье я нашла ответы на вопросы, которые до сих пор мучают меня. Вот небольшая цитата: «Сегодня все чаще в этих местах появляются геологи, нефтяники. На следующий год связисты потянут линию электропередач. Придут люди, и то, что еще осталось от лагерей, будет уничтожено. Живые свидетельства большевистского беспредела канут в Лету. Будто и не было никогда, а раз не было, то уже и не страшно. А если не страшно, то прошлое может вернуться с очередной благодатью и глобальной идеей.

Что делать, чтобы этого не допустить? Сохранить,

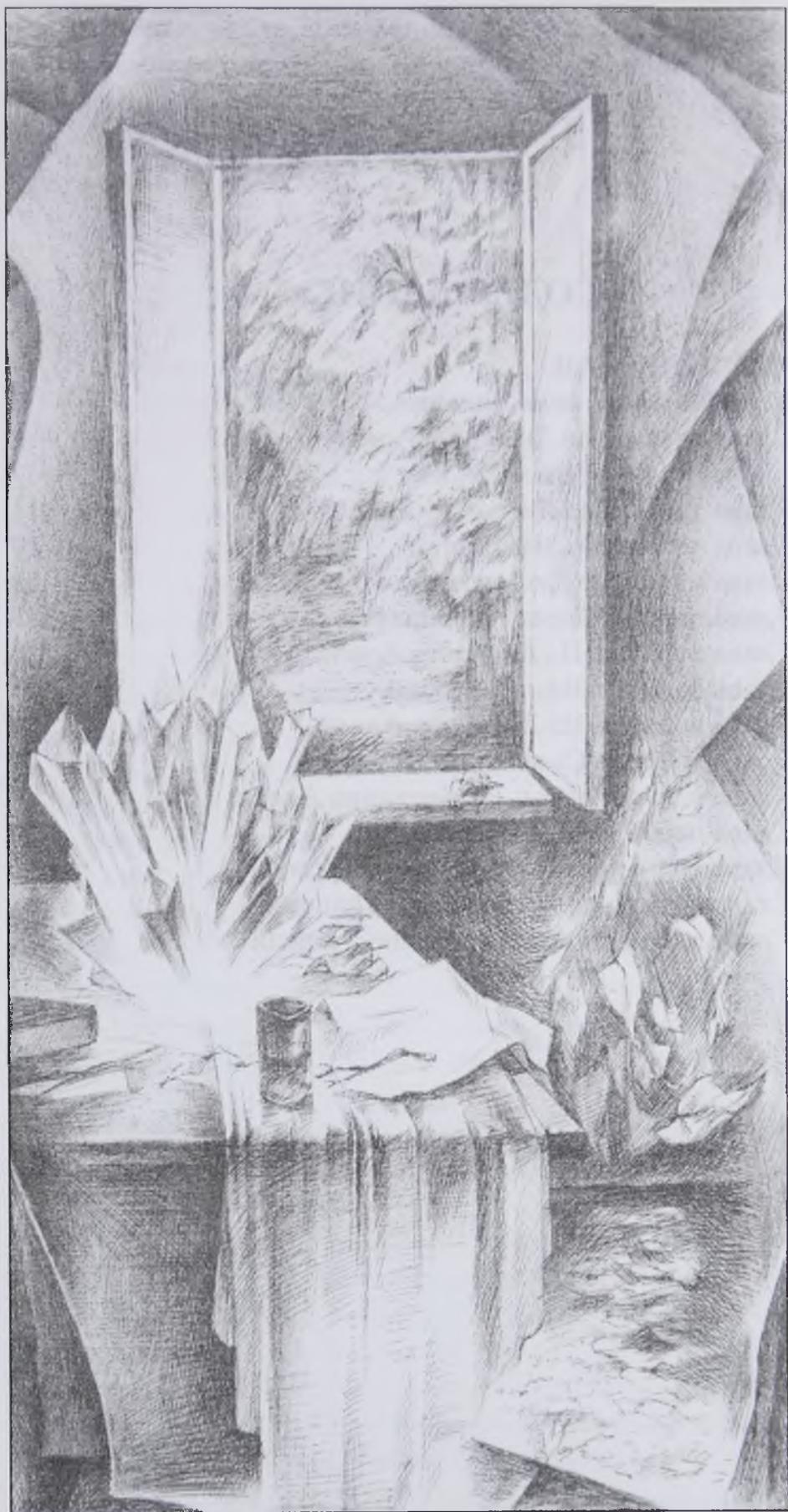
законсервировать хотя бы один лагерь. На память и в назидание потомкам. Как сохранили Бухенвальд. И дело это не только ямальцев. Всей страны. Ведь ГУЛАГ — это история каждого из нас».

2008г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Если бы Адель вела Дневник.	5
Глава первая. Из Дневника Адели.	6
Глава вторая. Неизвестность.	7
Глава третья. Из Дневника Адели.	15
Глава четвертая. «Фашисты».	19
Глава пятая. Из Дневника Адели.	23
Глава шестая. Дорога на Воркуту.	25
Глава седьмая. Из Дневника Адели.	28
Глава восьмая. Везде — люди.	31
Глава девятая. Из Дневника Адели.	34
Глава десятая. Свобода.	35
Глава одиннадцатая. Из Дневника Адели.	38
Глава двенадцатая. Встреча.	39
Глава тринадцатая. Из Дневника Адели.	41
Глава четырнадцатая. Забытая заповедь.	43
Глава пятнадцатая. Из Дневника Адели.	46

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Земные лики неземной любви.	51
Глава первая. Ханты-Мансийск.	52
Глава вторая. Из Дневника Адели.	53
Глава третья. Две сестры — одна судьба.	57
Глава четвертая. Из Дневника Адели.	58

Издание документально-художественное

Захарова Галина Владиленовна

Услышать тишину

Документальная повесть

Верстка Г.А. Чемакина

Иллюстрации Е.Ю. Юрин.

Дизайн обложки Г.В. Захарова;
*использованы фотографии из семейного
архива А.Б. Турчанис,
А.А. Сушенцова, фрагмент рисунка
Н. П. Лета*

Подписано в печать 23.10.2009г.

Формат 84x108 / 32. Бумага ВХИ80г / м.²

Гарнитура JournalC.

Печать офсетная. Усл.п.л.3,57

Тираж 250 экз. Заказ 4892

*Цветodelение обложки и печать выполнены
ОАО «Полиграфист»*

Ханты-Мансийский автономный округ —

Югра Тюменской области,

628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.

Тел.: 33-29-84, 33-49-91.

E- mail: izdatel@xmprint.ru

70-00

200142010

Гос. библиотека Югры

